

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.24>

Завьялова Галина Ивановна, Перехода Марина Александровна

ОНТОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЗАЦИИ ОБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ В ПРАВОВЕДЕНИИ

Авторы предполагают, что одной из причин кризиса современного правоведения является забвение сущности объекта познания в правоведческих науках, где он трактуется либо как объект, помещаемый в мир эмпирических явлений, либо как объект метафизического мира универсальных сущностей. Онтологический вектор остается методологической схемой, или преподносится в неправильном его понимании (отождествляется с метафизическими программами), или просто нивелируется. Для решения поставленной задачи авторы обращаются к онтологизации как к процессу сопоставленности объекта познания с топосом его бытия, целью которого является поиск истины, и дальнейшего социоконструирования данного явления.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/9/24.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 9. С. 119-123. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

формируют существенные онтологические, гносеологические, этические проблемы, которые относятся к практикам вмешательства в генетическую природу человека и животных, определение категории «человек», сосуществования человека и интеллектуально-развитых машин, предостережения негативного опыта реализации технологий. Разумеется, эти и многие другие вопросы в научно-технической деятельности сегодня еще не активно обозначены, как, например, принципы экологической этики, но философская рефлексия относится к тем видам рефлексии, которые работают на опережение и стараются «подготовить» общество к новым реалиям, которые могут наступить в ближайшем будущем.

Список источников

1. Азимов А. Хоровод // Азимов А. Я, робот: сборник рассказов. М.: Знание, 1964. С. 121-140.
2. Волков А. Человек, сотвори себя компьютером! [Электронный ресурс] // Первое сентября. 2000. № 89. URL: <http://ps.1september.ru/index1.php?year=2000&num=89> (дата обращения: 13.03.2019).
3. Горохов В. Г. Нанотерроризм: новый тип ответственности современного человека за окружающий нас мир и за будущее в глобальной технотехнике [Электронный ресурс] // Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении информационной безопасности и противодействии терроризму: материалы Третьего международного форума. URL: <http://www.ipib.msu.ru/publications/article21> (дата обращения: 13.03.2013).
4. Грунвальд А. Наночастицы и принцип предосторожности // Философские науки. 2010. № 6. С. 54-69.
5. Манифест Рассела-Эйнштейна [Электронный ресурс] // Российский Пагуошский комитет. URL: <http://www.pugwash.ru/history/documents/333.html> (дата обращения: 13.03.2013).
6. Медведев Д. А., Прайд В. Феномен NBIC-конвергенции. Реальность и ожидания // Философские науки. 2008. № 1. С. 97-116.
7. Олифиренко Б. О., Котлярова В. В. Опасность искусственного интеллекта // Гуманитарный трактат. 2016. № 4. С. 30-36.
8. Я – киборг [Электронный ресурс]. URL: <http://tainy.net/16839-ya-kiborg.html> (дата обращения: 13.03.2019).
9. **Converging technologies for improving human performance: Nanotechnology, biotechnology, information technology and cognitive science** [Электронный ресурс] / ed. by M. C. Roco and W. S. Bainbridge. URL: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf (дата обращения: 13.03.2013).

MODERN SCIENTIFIC AND TECHNICAL ACTIVITY: SOCIO-ETHICAL ASPECT

Vasenkin Aleksei Vadimovich, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Irkutsk National Research Technical University
vasenkinav@yandex.ru

The article discusses the socio-ethical aspects of modern scientific and technical activity. The category of modern scientific and technical activity is revealed through the complex of the so-called NBIC technologies, which includes the system of nanotechnological, biotechnological, informational and cognitive research. Each of these technological directions in modern reality creates a range of such issues that concern not only practical guidelines for the improvement and implementation of technologies. These issues become an object for studying various disciplinary approaches including philosophy.

Key words and phrases: activity; scientific and technical activity; modern technologies; social ethics; nanotechnology; biotechnology; artificial intelligence; robotics.

УДК 165.0

Дата поступления рукописи: 16.06.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.24>

Авторы предполагают, что одной из причин кризиса современного правоведения является забвение сущности объекта познания в правоведческих науках, где он трактуется либо как объект, помещаемый в мир эмпирических явлений, либо как объект метафизического мира универсальных сущностей. Онтологический вектор остается методологической схемой, или преподносится в неправильном его понимании (отождествляется с метафизическими программами), или просто нивелируется. Для решения поставленной задачи авторы обращаются к онтологизации как к процессу сопоставленности объекта познания с топосом его бытия, целью которого является поиск истины, и дальнейшего социоконструирования данного явления.

Ключевые слова и фразы: онтология; онтологизация; право; правоведение; объект познания.

Завьялова Галина Ивановна, к. филос. н., доцент
Перехода Марина Александровна
Оренбургский государственный университет
Lanser35@mail.ru; Awesome.perehoda@yandex.ru

ОНТОЛОГИЯ И ПРОБЛЕМА ОНТОЛОГИЗАЦИИ ОБЪЕКТА ПОЗНАНИЯ В ПРАВОВЕДЕНИИ

В XXI веке – в веке автоматизации и глобализации – наблюдается кризис современного правоведения [4; 10; 14]. Большинство исследователей отмечают, что юридическая наука отходит на периферию

общественного сознания, все чаще развиваясь «в самой себе», она начинает испытывать серьезные сложности в выработке объективной правовой методологии и научной доктрины и все более ранжируется в утилитарном её значении. Одной из причин кризиса современного правоведения является забвение сущего данной науки. Поэтому **актуальность** данного исследования заключается в поиске истинных оснований явления «права», а не раскрытии содержания его форм. Отсюда вытекает и **научная новизна** данного исследования, т.к. онтологизация объекта познания как в правоведении, так и в философии права в последнее время незаслуженно отходит на второй план, уступая место чисто прикладному характеру рассмотрения данной категории. На основе этого авторы поставили **задачу** проанализировать дефиниции права, обращаясь к антологии правопонимания. В связи с этим данный материал может быть использован всеми, кто транслирует современное правоведение в русле философии права.

Правоведческие науки в современном мире разрабатывают демократические и равноправные принципы мироустройства, основанные на прозрачных, онтологически укоренённых принципах, обязательных для всего человечества в целом. Глобализационные процессы, вмешиваясь во все сферы жизни, включая и мир права, несут серьезные риски как для научного сообщества, так и для других социальных сфер. Для того чтобы научный мир права, являясь базисом в развитии немалого количества общественных процессов, соответствовал новым реалиям и на уровне национальных систем, и в общемировом измерении, авторы предлагают обратиться к онтологическому модулю рассмотрения данной проблемы.

Отмечено, что на смену представлений о субъекте как наблюдателе пришло утверждение процессуальности интерпретационных практик субъекта. Влияние субъекта на метод познания уже считается неоспоримой константой, а некоторые теории пошли дальше, говоря об объекте как не об изначальной данности для исследователя, а как о продукте его деятельности [6]. На смену корреспондентской пришла когерентная теория истины, а сам объект познания в правоведении, как и в других науках, признали социокультурно детерминированным. Данные изменения обусловлены сменой научных парадигм в обществе. Так, В. А. Лекторский, подразделяя эпистемологию на классическую и неклассическую, датирует начало последней завершающими десятилетиями XX в., маркируя её следующими характеристиками: доверием к принимаемой субъектом познавательной традиции, учетом конкуренции и дискуссии данных традиции, отказом от фундаментализма, новыми трактовками «внутренних» состояний сознания, разрывом с субъектоцентризмом [7, с. 7].

Е. В. Тимошина в своем исследовании выделяет классическое и постклассическое правопонимание, которые, в свою очередь, обладают типологическими особенностями, определяемыми типом научной рациональности. Конститутивной особенностью классического правопонимания, по мнению Тимошиной, предстает объективистский подход к интерпретации бытия права, автономного от сознания субъекта. В юснатурализме право выступает в виде «объективного» идеального бытия, «открытого» для ученого, обладающего привилегией «объективного» видения. Юспозитивизм определяет право как результат «объективного» наблюдения и универсального описания эмпирического факта, обнаруженного субъектом в мире пространства и времени, аналогично «вещи». На рубеже XIX-XX вв. начался процесс формирования постклассического правопонимания. Исследователь характеризует данный период следующим образом: «...правовая реальность приобретает взаимосвязанные характеристики человекоразмерности, конституированности, текстуальности, смысла, процессуальности и “существует” через интерпретационные практики субъектов, при этом используемый ими язык осмысливается как одно из средств ее конституирования» [12, с. 10]. Современная правовая онтология преподносит конституированный характер правовой реальности.

Мы же согласимся с позицией А. О. Карпова и обозначим следующую интенцию для размышлений: присущая современной науке онтологическая позиция соития мира с образом его теоретического представления, которое составлено из результатов человеческого конструирования реальности, обнаруживает проблему прояснения его подлинного – онтологического устройства [5].

Онтологическое устройство объекта познания

Сущее как акт бытия в своем существовании проявляется в феномене (явлении). Онтология данного сущего при детальном изучении его в явлении включает в себя не только фундаментальные основания своего бытия, но также она соотносена со всем тем, что проникает в его сущность. При анализе познания в правоведении такими явлениями представлены культурные границы, политика, власть, экономика и производство и т.д. Таким образом, мы обращены к онтологическому устройству феномена (явления), которое не предстает исключительно «консервативно-фундаментальной» схемой, оно также инкорпорирует бытие современных общественных явлений. По мнению Карпова, данные локальные сферы бытия служат местом устройства феноменов, «действующих или проектируемых в сферах созданного человеком, т.е. социокультурных феноменов» [Там же, с. 34]. Именно с идеями, работами и терминологией Карпова в контексте исследования процесса онтологизации мы согласны и обращены на них в своем труде.

Обращение к онтологическому устройству объектов познания есть процесс онтологизации. В современной научной литературе данный процесс трактуется с разных позиций, зачастую дилетантски. Современный научный дискурс под «онтологизацией» подразумевает объективацию, отождествление, визуализацию, конструирование, бытиизацию, говоря всеобъемлюще – «превращение модельного мира в реальность» [Там же, с. 39]. Но онтологизация – это процесс «к», а не «от». Это направленность на существо истины, говоря словами М. Хайдеггера: «...покоящееся в своем потаенном начале» [13, с. 361].

Объект познания в правоведческих науках

Объектом познания в самом широком смысле выступает фрагмент материальной/идеальной реальности, растянутой в пространственно-временном потоке, на которую направлена активность, или познавательная

интенция, субъекта. Если говорить об объекте познания в науках, или еще уже – в социогуманитарных науках, то помимо стандартной схемы «Субъект → Объект» следует выделить следующие схемы процесса познания: «Субъект ↔ Объект», «Субъект → Субъект», «Объект → Субъект». Также не исключены инкорпорации в виде социокультурных детерминант и т.п. То есть объектом познания может выступать не только классический «объект», но и субъект, что усложняет и одновременно обогащает онтологию познаваемого.

Что же представляет собой объект познания в правоведении? Если отвечать на данный вопрос предельно широко, то юридическая наука в качестве объекта исследования рассматривает отдельные стороны государства и права. Некоторые авторы определяют объект уже. Это и правовая жизнь общества [10], и правовая реальность [8], или даже право как «срез фактически существующих общественных отношений» [3, с. 206], и практически все сходятся во мнении, что объектом познания служит не столько право как юридическое явление, сколько право как жизненный мир. Конструктивисты полагают, что познаваемый объект не предстает как некая изначальная данность субъекту – он есть продукт его деятельности. «Диалогисты» говорят о несводимости права к одному измерению и призывают к выяснению содержания права. У И. Л. Честнова одно лишь обращение к структуре права не дает полноты в прояснении его природы. Учёный предлагает переформулировать задачу: не описать структуру права, а выяснить его назначение и содержание, то есть то, что можно назвать «природой» права [14]. Действительно, для того чтобы понять природу права, мы не можем занять внешнюю позицию, позицию оторванного наблюдателя. Человек всегда выступает в роли участника правовых отношений, осмысливая свое присутствие, свое бытие, которое включено в полноту существования. Поэтому познавательная интенция всегда диалогична, всегда погружена в жизненный мир.

Онтологическая природа права сложна по своей сути. Отсутствие пространственно-материальной составляющей в процессе понимания её природы заставляет учёных обращаться к другим категориям. Так, С. И. Максимов предлагает исследовать данную проблематику, обращаясь к категории «правовая реальность» [8], так как «право» не имеет субстанциональной основы, на него нельзя «указать», а «реальность» по своей сути соотносена с бытием. Правовая реальность в работах Максимова представляет собой единство права, раскрывающегося в правовых смыслах, состоящих в долженствовании, где основой выступает коммуникативное взаимодействие людей.

Подождим. Правоведение изучает право.

Право как предмет философской рефлексии мыслителей Древней Греции

Исключительно неразрывное единство знаний философских и научных в рассмотрении природы права принадлежит мыслителям Древней Греции. Право определяется космическим законом (*nomos*), который, подразумевая всех граждан как равных (*isoi*), сопрягается с нравственно-этическими характеристиками.

В истории философии понимание права всегда было тесно связано с идеей свободы. Свобода являлась одним из условий ответственности, а ответственность – одно из проявлений свободы. С середины V в. до н.э. в Греции начинают формироваться воззрения, которые привели к изменению в образе мыслей значительной части гражданского населения. Открывались такие категории, как выбор – ответственность, свобода – необходимость, добро и зло, справедливость. Диалектика данных категорий и определяла содержание права, при условии отсутствия данного термина. Внимательное прочтение трудов древнегреческих философов удостоверит читателя в отсутствии прямой трактовки сущности права, в недоступности однозначно проведенной дихотомии между нормами права и нормами морали. Так, понимание сущности права у Аристотеля, а также отличие его от нравственности трудноуловимы, «порой кажется, что Аристотель сливает нормы права с правилами общежития вообще (*νομοι*)... иногда Аристотель как будто признает правом только нормы, установленные государством, иногда ссылается на естественное право и им опровергает первые» [15, с. 51].

Пронизанными нравственно-этическими характеристиками существа права мы отмечаем у Сократа, который выдвинул понятие «благоразумие», под которым понимал «умение отличать добро от зла» [2, с. 380]. «Благоразумие», считал Сократ, должно совпадать с понятием «нравственность», где главным критерием, т.е. ответственностью является добро и зло. Именно эти две категории делают нас морально ответственными. По Сократу, «деятельность человека определяется его целями, которые включают благо» [Цит. по: Там же, с. 381]. Таким образом, философ признавал, что любое дурное действие есть незнание или заблуждение, а совершенным знанием является мудрость. По мнению Сократа, человек всегда совершает поступки, руководствуясь собственным выбором, понимая, что придется нести за них ответственность. «Те, кто ошибаются в выборе между благом и злом, не достаточно осознавали ответственность и совершали ошибочные действия» [Цит. по: Там же, с. 382].

После Сократа природу добра и зла пытался объяснить Демокрит. Он считал, «что воспитанием и обучением можно сформировать ответственную личность с необходимыми моральными качествами» [Цит. по: Там же, с. 321]. По мнению Демокрита, все хорошее, на что способен человек, зависит от воспитания, а не от происхождения. Движущей силой поведения человека признавалось стремление к тому, «что порождает чувство удовольствия, и отстранение от всего, посредством собственной ответственности, того, что может породить чувство неудовольствия» [Цит. по: Там же]. Таким образом, отношение между субъективным удовольствием и неудовольствием соотносится объективному отношению между пользой и вредом.

Но быть мерилom полезности (вредности) чувство удовольствия может при условии, если оно подчинено мере. Мера, по Демокриту, «есть силы, способности и способы поведения, которые отпущены человеку самой его природой» [Цит. по: Там же]. Следовательно, нравственное поведение человека интеллектуализируется, то есть перерабатывается действием ума. Все ошибки, которые совершает человек, Демокрит объясняет недостатком знания – «причина ошибки заключается в незнании лучшего» [Цит. по: Там же].

Как разновидность человеческих задатков категорию ответственности рассматривал стоик Клеанф, который считал, что в человеке с рождения присутствует добродетель. Человек, достигая совершенства, достигает добродетели. Следовательно, «высшая цель и в каждом отдельном разумном существе и в целом мире есть деятельность разума в сфере действительности» [Цит. по: Там же, с. 292]. Но так как человек – существо телесное, то для него внешние вещи остаются материалом, с которым связано его действие. В связи с этим необходимо, по мнению Клеанфа, создать систему таких принципов, которые работали бы в каждом отдельном случае и определяли бы степень ответственности.

Таким образом, в Древней Греции категория права рассматривалась в тесной связи с понятием «нравственность», с критериями поведения человека, благоразумием и полезностью.

Онтологизация объекта познания в правоправедение

Поиск существа истины первоочередно направлен на данное нам в пространстве и времени и только потом (в лучшем случае) обращен к метафизическим основам. Популярны сегодня конструктивистско-мировоззренческие, в широком смысле – научно-популярные модели трактуют окружающую нас реальность без обращения к основанию, тем самым подталкивая явления к не-сущему расположению в бытии. Но ведь сущность онтологизации «не в том, что мы укладываем модель в мир, а в том, что ищем истинное основание модели в мире прежде, чем ее в этот мир вложить» [5, с. 31].

Все происходящее в феномене, то есть в праве как в объекте познания правоправедения, позволяет увидеть онтологизацию, процесс которой подразумевает обращение к месту устройства искомого бытия. Выше были проговорены локальные онтологии данного феномена. Это культурные границы, политика, власть, экономика и производство и ряд других.

Если рассматривать объект познания в правоправедении как одну из областей человеческого знания о мире, то пример Древней Греции с общей закономерностью неразрывного единства знаний философских и научных выступает приближенным к истинному его пониманию. До сих пор проблема природы человеческих отношений в безграничных её модусах обсуждается современным обществом, постоянно обнаруживая рациональное зерно в древнегреческих трудах. Н. Н. Алексеев обращает наше внимание на эту дилемму: «Пифагорейцы провозгласили принцип содружества и мира... Все в мире связано родственной связью... пифагорейцы делали вывод, что по отношению к животным нельзя поступать несправедливо, так как в них может жить человеческая душа. Между людьми и животными существует правовая связь. Причинивший несправедливость животным должен получить соответствующее возмездие» [1, с. 16]. Современное общество обратило внимание на проблему признания прав животных только в недавнем времени.

Ситуация в мире говорит о нескончаемой тяге к обновлению, но неудержимое новаторство противопоставлено праву. Количество законов, подписанных президентом Российской Федерации в 2018 году, составило 575 федеральных законов, что говорит о неэффективности принимаемых актов. Нивелируется значимость качественного правового развития. Нарастание правовых норм говорит об исключительной количественной тенденции.

Размывание культурных границ приводит к упадку правовой идентичности. Экономически более развитые страны агрессивно внедряют свои модели развития. На сегодня существует немалое количество явлений, представляющих не-сущее расположением в бытии. Данная работа представляет вектор для дальнейшей работы онтологизации, раскрывая смысл и обосновывая её значимость.

Заключение

Современный этап развития науки, поглощённый нескончаемыми симулякрами, авторитетами, экономическими, политическими и информационными войнами, все более уводит от фундаментальной обращенности к истинному истолкованию основных научных категорий. Одной из причин кризиса современного правоправедения является забвение сущего данной науки. Забвение сущности права пронизывает большую часть современного научного сообщества и далее вторгается через её адептов в законодательство. Следствием чего становится снижение и даже игнорирование социальной ценности законов, законов, не имеющих ничего общего с подлинным правом. Безусловно, раскрытие содержания многообразных форм бытия права есть одна из важнейших задач, решение которой укажет на путь выхода из кризиса. Но авторами данной статьи предложен путь, первоочередный по своим фундаментальным основаниям.

Поиск истинных оснований явления, а не раскрытие содержания форм – первостепенная задача. Как она решается? Нам видится её решение в обращении и применении онтологизации. Онтологизация как *процесса сопоставленности объекта познания с топосом его бытия*, целью которого является поиск истины, и дальнейшего социоконструирования данного явления. Так как в правоправедческой науке объектом познания выступает не столько право как юридическое явление, сколько право, соотношенное с бытием. Топос бытия, или место устройства, права подразумевает более глубокое исследование локальных онтологий, на что не претендовали рамки этого труда. Цель, поставленная в данной работе, – выявление проблемы и предложение схемы ее решения.

Очевидно, искусственное приращение человеком эпохи постова, эпохи, когда все обращено исключительно на сущее и его обеспечение, феноменов или явлений с целью личной выгоды (считая истину деятельностно-обусловленной), заполняет современный мир. Отсутствие понимания онтологии предмета, в русле которого трудится человек, ставит под вопрос не только уровень современной науки, но и заставляет задуматься о месте морали в современном обществе.

Список источников

1. Алексеев Н. Н. Идея государства. Изд-е 2-е. СПб.: Лань, 2001. 368 с.
2. Антология мировой философии: в 4-х т. / ред. В. В. Соколов. М.: Мысль, 1969. Т. 1. Философия древности и средневековья. 576 с.

3. **Брянник Н. В.** Введение в современную теорию познания: учебное пособие. М.: Академический проект, 2003. 260 с.
4. **Власенко Н. А.** Кризис права: проблемы и подходы к решению // Журнал российского права. 2013. № 8. С. 43-54.
5. **Карпов А. О.** Онтологизация, «онтологизация» и образование // Вопросы философии. 2013. № 9. С. 31-42.
6. **Карташева А.** Філософський смисл класичної та некласичної концепцій авторського права // Філософія права і загальна теорія права. 2013. № 1. С. 260-267.
7. **Лекторский В. А.** Эпистемология классическая и неклассическая. М.: Эдиториал УРСС, 2011. 256 с.
8. **Максимов С. И.** Классическая и неклассическая модели осмысления правовой реальности в контексте коммуникативной парадигмы права // Правоведение. 2014. № 6. С. 41-54.
9. **Максимов С. И.** Правовая реальность: опыт философского осмысления. Х.: Право, 2002. 328 с.
10. **Малько А. В., Трофимов В. В.** Правовая жизнь общества как объект теории права: к постановке проблемы // Государство и право. 2017. № 5. С. 39-50.
11. **Статистика законодательного процесса за 2018 год** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gosduma.net/legislative/statistics/?type=year&c=7&v=2018> (дата обращения: 26.01.2019).
12. **Тимошина Е. В.** Теория и социология права Л. И. Петражицкого в контексте классического и постклассического правопонимания: дисс. ... д.ю.н. М., 2013. 556 с.
13. **Хайдеггер М.** Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие. М.: Республика, 1993.
14. **Честнов И. Л.** Постклассическая теория права: монография. СПб.: Алеф-Пресс, 2012. 650 с.
15. **Шершеневич Г. Ф.** История философии права. СПб.: Лань, 2001. 528 с.

ONTOLOGY AND PROBLEM OF ONTOLOGIZATION OF COGNITION OBJECT IN JURISPRUDENCE

Zav'yalova Galina Ivanovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor

Perekhoda Marina Aleksandrovna

Orenburg State University

Lanser35@mail.ru; Awesome.perekhoda@yandex.ru

The authors argue that the crisis of modern jurisprudence is conditioned by the fact that legal scientists ignore the essence of the cognition object, considering it either as an object placed into the space of empirical phenomena, or as an object of the metaphysical world of universal entities. Ontological vector remains purely a methodological scheme, or misinterpreted (is identified with metaphysical programs), or just neglected. To solve this problem, the authors consider ontologization as a process of comparing the cognition object with the topos of its existence, the purpose of which is the search for truth and further socio-construction of this phenomenon.

Key words and phrases: ontology; ontologization; law; jurisprudence; cognition object.

УДК 101.1:316.772.4-056.24

Дата поступления рукописи: 28.06.2019

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.9.25>

Цель данной работы заключается в раскрытии практик социальных значений, в рамках которых формируются или усваиваются смыслы атипичного телесного бытия в социокультурном пространстве. На основе авторского подхода, фундированного принципами социального конструкционизма и теорией коммуникативности общества, утверждается, что, согласно установленной современной специфике восприятия атипичной телесности в медиакультуре, само понятие «нормы» и «не нормы» является размытым. В статье выявляются и анализируются процессы, формирующие специфику репрезентации атипичного тела, выражающиеся на данный момент в двойственности, вследствие наличия поликультурного смыслового пространства.

Ключевые слова и фразы: телесность; социальная философия; атипичность; массовые коммуникации; символизм.

Русанова Анна Александровна

Национальный исследовательский Томский политехнический университет
ollyvost@tpu.ru

СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ АТИПИЧНОЙ ТЕЛЕСНОСТИ В МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЯХ

Вопрос атипичного тела в социальной философии как носителя характерных физических или иных недостатков, в отличие от тела «идеального», рассматриваемого безотносительно к меняющейся социальной среде, начал подвергаться анализу относительно недавно. На данный момент вопрос телесности в отечественной философской мысли базируется в основном на медикалистской форме представления о теле, осмысливая человека «абстрактного», безотносительно к отличным от нормы практикам. Вследствие того, что современное глобализированное медиапространство наполнено разнообразными культурными кодами, проецирующими социально-культурные смыслы, **актуальным** становится проведение социально-философского анализа современного коммуникативного пространства относительно самого атипичного тела и его проекций.